

ВИКТОР ЦОЙ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МИФОЛОГИИ, ИЛИ СОДЕРЖАНИЕ СЛОГАНА «ЦОЙ ЖИВ»

Виктор Цой (1962 – 1990) еще при жизни стал легендарной фигурой. Ранняя гибель этого рок-музыканта сыграла роль катализатора его славы. Можно констатировать, что в конце 2010-х гг. Цой превратился в феномен современной мифологии. Миф о Цое создавался на наших глазах, выбиваясь из рамок евтушенковского эталона для литературных знаменитостей «поэт в России – больше чем поэт» [1, 447]. Концепт «Цой» вбирает в себя творческую и человеческую индивидуальность легендарного рок-музыканта, его мелодии, тексты, исполнительскую манеру, биографию, образ жизни...

Квинтэссенцией мифа о Цое является вера в его бессмертие. Миф в мифе, колоритный и замысловатый, будто Кошечья смерть, и нашедший свое концентрированное выражение в слогане «Цой жив». Заметим, что Цой – не единственный персонаж современной мифологии, но никого другого не аттестуют подобным образом. К примеру, существует миф о Высоцком, однако слоган о его бессмертии не только не прижился, но и не возник.

Я не ставлю перед собой задачу проанализировать особенности коллективного бессознательного фанатов Цоя и определить, почему сегодня именно он и только он удостоился чести быть причисленным к разряду условно бессмертных. Моя цель скромнее: выяснить, почему все еще бытует слоган «Цой жив».

Это выражение, ставшее крылатым для поклонников Цоя, является калькой с советского лозунга «Ленин жив». Не случайное сходство, свидетельствующее о глубокой укорененности советского архетипа в их подсознании. Вместо Ленина – Цой. Монументальному политическому, маркированному негативно, противопоставляется тусовочное андеграундное, позиционируемое в качестве положительного. Цой как «перевернутый» Ленин, как практиковавшееся в годы «перестройки» и позже замещение Ленина (наряду с другими идолами и идеалами СССР). Кстати, по аналогичной модели скроены также слоганы нынешних украинских националистов: «Слава Украине! Героям слава!» Ближайшие родственники этих звонких фраз покоятся в идеологическом лексиконе советской империи. Самые лютые враги советизма работают на его нетленность. Сделаем вывод: интересующий нас слоган имеет позднесоветскую этимологию.

Слоган «Цой жив» существует, значит, для этого есть основания. Разберемся, какие, не подменяя его формулой «Цой скорее мертв, чем жив», но и не прячась от ее неумолимой беспощадности.

Цой, разумеется, жив метафорически, поскольку метафорическим является исходный слоган.

В каком смысле Цой жив? Ответ на этот вопрос содержит в себе два существенных аспекта, второй из которых выступает конкретизацией первого.

Первый: почему Цой жив? Не для отдельных социальных групп и психологических категорий, а в целом, в памяти его (часто непохожих друг на друга – констатируем еще одно отличие Цоя от прочих любимцев толпы) многочисленных почитателей и в этом смысле – в народной памяти? Главным образом потому, что он, говоря его же словами, – «последний герой». Советское время было временем героев, даже на своем исходе. Теперешняя эпоха – коммерческая, принципиально негероическая. Но потребность в героическом идеале от этого не исчезла. Ностальгия по кумирам героического плана, по бескорыстным служителям идеи – вот где сердцевина ответа на вопрос, почему Цой жив. Он жив и будет таковым до тех пор, пока жива ностальгия по Советскому Союзу как эпохе героев. Причем эта ностальгия присуща и тем, кто родился после распада СССР, поскольку дух советизма запечатлен в лозунговом стиле цоевских текстов и предельно серьезной темброво-интонационной подаче материала, вызывающей безусловное, потому что «державное», доверие ко всему, что бы ни пел Цой, – доверие, которое ковалось речами советских вождей, голосом диктора Левитана и т. п. Да чем угодно, вплоть до микрофонных объявлений на вокзалах либо во время спортивных состязаний, – важно, что в ситуациях, заведомо исключавших ложь. И Цой (не станем забывать, что он был «проектом» КГБ), вольно или невольно – не наша тема, использовал это доверие, перенаправив его в идеологически нужное инициаторам «перестройки» русло. Результат этой идеологической переналадки сказывается до нынешних дней. Поэтому Цой жив.

Кстати, Цой не был героем, зато в его артистическом имидже в изобилии присутствовали внешние черты героизма. Что и требовалось и требуется поклонникам «звезды по имени Солнце». Они – люди Постмодерна, для которых имидж важнее сути. Им хочется два в одном, такого идеологического оксюморона: чтобы советское было и антисоветским, чтобы советизм был имитационным, виртуальным, игровым. Цой утоляет этот запрос, героически призывая упразднить социум, порождающий героев. Поэтому он жив.

Второй аспект: для кого Цой жив? И еще конкретнее: для кого он сегодня жив? Точнее, для кого и почему сегодня его творчество является ценностью? Ответ на данный вопрос будет более развернутым.

Во-первых, Цой жив для тех, кто умеет сочетать вольнолюбивый дух протеста с воспитанностью. Сам Цой ни в жизни, ни в творчестве не практиковал вульгарность, хамство. Он мог бунтовать, но не оскорблял тех, против кого бунтует. Например, герою песни «Спокойная ночь» не нравятся

спящие и сонные люди, но он, пусть и с иронией, желает им спокойного сна. А Цой в нарратологической ипостаси автора этой песни вспоминает и о соседях, которым его активные персонажи мешают уснуть. А ведь мог бы просто отмахнуться от тех, кого победили усталость и равнодушие. Но Цой уважает людей, даже если у них взгляды на жизнь иные, чем у него. Он толерантен, а это уже ценность западной цивилизации, которую с энтузиазмом превозносили граждане СССР в период «перестройки». Цоя я бы назвал воспитанным советским молодым человеком эпохи распада СССР, а его творчество – интеллигентным (не путать с интеллигентским) роком. Когда он писал и пел: *«Все, кто молчал, перестали молчать»* [2, 47], вряд ли ему думалось, что немалое количество этих молчунов, получив возможность говорить, начнут нести отборную ахинею, от которой не только уши вянут. Человек приличный и мягкохарактерный, Цой и других не считал хуже себя. У него полно поклонников, у которых аналогичные жизненные принципы. Поэтому для них Цой жив.

Во-вторых, Цой жив для разномастных романтиков, у которых слабая дружба со смыслами, далекое от совершенства языковое чутье и не слишком зрелый литературный вкус. Среди них грустные одиночки, готовые простить своему кумиру всё. Среди них неприкаянные подростки и молодые люди. Спокойная ночь им кажется знаком напрасно проходящей жизни, не зря же они *«видели ночь, гуляли всю ночь до утра»* [2, 39] (а мы думали, что после ночи наступает другое время суток, например, вечер; да и словосочетание *«видели ночь»* звучит слегка несуразно). Среди них настроенные на возвышенный лад силовики, которых не смущает *«группа крови на рукаве»* [2, 52] вместо нашивки с ее обозначением – и на нагрудной части обмундирования; *«мой порядковый номер на рукаве»* [2, 52], а не просто номер (хотя зачем он, одному Цою известно); *«не нажатый вовремя курок»* [2, 52] вместо спускового крючка: курок взводят, и нажимать на него – смешить знатоков стрелкового оружия, а в бою – превращаться в удобную мишень. Цой нередко пишет, сам не зная о чем. С выстраиванием смыслов у него бывает туго. Как поэт он – малая величина, и это особенно заметно, если его тексты лишить музыкально-исполнительского обрамления. Без него они впечатляют прежде всего своей беспомощностью: сочетанием романтических штампов с андеграундно-протестным колоритом и малоосновательной претенциозностью. Стоит сравнить тексты Цоя с несколько родственными им по духу стихами Высоцкого, и все станет на свои места. Обнаружится до неприличия очевидная вещь: кто поэт, а кто... автор слов к собственным песням. Однако для фанатов Цоя из этой категории подобные неувязки безразличны. Для них нет разницы, плохой или хороший поэт их кумир. Они явно обожают его за другое: за романтический шарм творчества, принимаемого в неразъемном единстве: музыка – текст – пение. Поэтому для них Цой жив.

В-третьих, Цой жив для обладателей всемирно отзывчивой русской души, и не только русской, главное – для всемирно отзывчивой. Для космополитов, которым чужое, экзотическое, импортное всегда ближе родного, потому что оно новое и непривычное. Приятная монголоидная внешность, в чем-то шаманская манера исполнения песен, нездешняя загадочность, за которой, правда, порой скрывалось элементарное неумение формулировать идеи, – и обладатели космополитически отзывчивой души покорены. Поэтому для них Цой жив.

В-четвертых, Цой жив для ностальгирующих антисоветчиков из числа представителей позднего советского поколения. Для того террариума ядовитослюнных, которые уже почти покрылись плесенью истории, но так и не уяснили, несмотря на горький опыт, что развал государства, пусть обветшавшего, но своего, дает временные преимущества мародерам различных сортов и оттенков, а народ погружает в перманентную безнадегу. Но они считают себя элитой, хотя гордиться тут нечем. Охаять собственную страну для них – вожделенное удовольствие. Цой нужен им как олицетворение антипатии к «совку». Давно и Советского Союза нет, а ненависть к нему не исчезает. Поэтому для них Цой жив.

В-пятых, Цой жив для людей разных поколений, одержимых инфантильно-иждивенческой жаждой социального взрыва. Подпевают вслед за Цоем: *«Перемен! Мы ждем перемен!»* [2, 24] и не догадываются, что на перемены работать надо, долго и упорно работать, а не ждать и не требовать их от кого-то. Потому что этот «кто-то» станет что-то изменять для себя, а не для тех, кто их ждет и требует. Потому что перемены, добытые революционным путем, – всегда перемены к худшему. Ведь принцип любой революции: ломать – не строить. А кто для вас будет строить, инфантильные господа? Это уже не их забота. Они ждут и требуют перемен и полагают, что делают важное дело. Поэтому для них Цой жив.

В-шестых, Цой жив для слабых людей, придавленных отчуждением. Они не уверены в себе, их угнетает чувство ненужности. Но свою слабость эти люди маскируют строго по Фрейду: внешней демонстрацией силы и независимости. Агрессивно-депрессивная подача материала, холодновато-отстраненный сценический имидж, андеграундный стиль жизни Цоя, черный цвет его одеяний (траур по заведомой беспросветности бытия), обилие милитаристской лексики в текстах – магистральные ориентиры для людей этого типа. Поэтому для них Цой жив.

В-седьмых, Цой жив для части представителей ЛГБТ-сообщества. Многие эпизоды биографии Цоя пребывают в не лишенном интимности затемнении, и это молчаливо списывается на то, что кумир, словно женщина, должен сохранять свою загадочность. Легкие и неизбежные утечки информации придают пикантности таинственной харизме Цоя. С привлечением же фрейдистского инструментария к анализу цоевского текста про *«алюминиевые огурцы на брезентовом поле»* [2, 88] и про то, что

«злое белое колено пытается меня достать» [2, 88] (если колено женское, то здесь эпитет указывает на феминофобию; если мужское, то какими игрищами заняты персонажи?), смутные догадки начинают перевоплощаться в определенность ЛГБТэшных аллегорий. Кого-то все это воодушевляет. Поэтому для них Цой жив.

В-восьмых, Цой жив для некоторых потребителей наркотиков. Они откликаются не только на раннюю в исполнении Цоя песню про анашу, которая хороша, не только на его менее откровенный «Транквилизатор» («Ты понимаешь, что мне было трудно сдержаться. // Мне также нравится это, такой мой характер» [2, 65]), но и на дремотность отдельных его мелодий, на медитационно-рассеянный стиль его пения, на энергичные сгибания оголенных локтей, на рифму «*перемен – вен*», в которой доминантный первый концепт своей экспансивной позитивностью подпитывает второй, и на прочие сигналы, не всегда улавливаемые непосвященными, однако безошибочно пеленгуемые своими. Они считывают эти сигналы и получают необходимое утешение: известный человек не осудил, а, наоборот, поддержал нас, как будто по-ленински благословил: правильной дорогой идете, товарищи! Поэтому для них Цой жив.

В-девярых, Цой жив для меня, причем не только потому, что я говорю и пишу о нем, но и потому, что иногда с интересом слушаю его песни и ловлю в них отзвук моей ушедшей молодости, сладостный аромат увядших пустопорожних иллюзий и несбывшихся надежд. Надо быть мертвым, чтобы не отозваться на «Легенду», «Кукушку», «Звезду по имени Солнце», «Восьмиклассницу»... Несмотря на нешедевральность текстов этих песен, в них иногда пробивается приглушенный отзвук качественной поэзии: имею в виду, например, невнятно-тревожный афоризм «*Смерть стоит того, чтобы жить, // А любовь стоит того, чтобы ждать*» [2, 77]. Удачна цоевская метафора экзистенциального тупика, незаметно наступающего под убаюкивающий аккомпанемент каждодневного бытового ритуала: «*Сигареты в руках, чай на столе – так замыкается круг...*» [2, 24]. Или взять будоражащий нервы цоевский перл «*Я ждал это время, и вот это время пришло...*» [2, 47]. В конце концов, мне пронзительно жаль чудаковатого, беззлобного и талантливое молодого человека, так рано и нелепо сказавшего жизни «адью». Подозреваю, что в этом я не одинок.

Безусловно, приведенный перечень характеризуется принципиальной неполнотой и открытостью для корректировок. Однако гораздо важнее другое: слоган «Цой жив», взятый во всей его контекстной масштабности, выражает одну из многочисленных современных мифологем и свидетельствует не только об их наличии в постсоветском менталитете, но и о мифологичности как атрибуте коллективного бессознательного, а также о диссоциированности коллективного бессознательного и перманентном варьировании его форм в постмодерновую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтушенко, Е. А.* Стихотворения и поэмы: в 3 т. / Е. А. Евтушенко. – М., 1987. – Т. 1.
2. *Цой, В. Р.* Звезда по имени Солнце / В. Р. Цой. – М., 2008.